

В десятку!

ЕГО РЕКОРД —
14 БУТЫЛОК ВОДКИ В ДЕНЬ.
НО СЕЙЧАС ОН «В ЗАВЯЗКЕ».

10

фото Якова Титова

всего-то километров шестьсот... А с Собчаком, действительно, нас разделяют только два этажа, но я с ним практически не вижу. При встрече, конечно, мы с ним здороваемся, но показаться в его глазах назойливым и невежливым мне бы не хотелось.

— Прямо не Боярский говорит вашими устами, а сама скромность.

— Не скромность — гордыня, один из тяжелейших пороков.

— Во-во. Куча народу именно это в вас и замечает, полагая, что Боярский ведет себя так, как будто старается показать свое превосходство. Говорят, что вы чуть ли не парите надо всеми остальными.

— Ну и пусть говорят: рожденный ползать летать не может, так что хорошо, что они осознают свою ползучесть. Потому что я-то не считаю, что парю: мне до многих людей так далеко, что я с ними и познакомиться-то боюсь.

— Это с кем же, если не секрет?

— Скажем, с Леонидом Филатовым. К Евстигнееву я не мог подойти поговорить, хотя и снимался с ним на одной площадке. Со многими мне очень сложно — я даже на "ты" не могу быстро перейти: с Олегом Басилашвили, например, мы уже раз сто хотели начать говорить "ты", а я не могу.

— Попробовали бы выпить на брудершафт.

— Нет, вы знаете, не стоит.

— Многие сочтут вас снобом.

— Совсем нет — я и матерщинник, и бабник, и все что нужно. Но тем не менее хочется соблюдать какие-то обычаи, обряды...

— Зацикленно следуя им во всем и везде...

— Не везде. Просто я не стремлюсь обогащать себя компаниями: у меня есть работа и семья, а больше практически ничего и нет. Но работы хватает, чем я горжусь, потому что трудоголик —

за неимением смены. Но если говорить серьезно, самыми лучшими в роли романтических героев — к которым я не отношусь, ибо считаю себя прежде всего драматическим артистом — были непревзойденные Олег Стриженов и Жерар Филип, которым, на мой взгляд, вообще нет равных.

— Это можно воспринимать как завуалированную жалобу?

— Ничего подобного! Грех было бы жаловаться: то количество ролей в классическом репертуаре, которые сыграл я, это даже перебор — достаточно было сыграть хотя бы одну, чтобы потом всю жизнь благодарить Бога за то, что мне довелось это сделать.

— Однако считается, что чем больше есть, тем больше хочется.

— Это вы о ролях?

— И о них, и о деньгах...

— Умереть на мешках с деньгами, мне кажется, скучновато...

— А если перефразировать это на «чем больше пьешь, тем больше хочется»?

— Да, в этом мой порок, я таков. Но, к сожалению, я уже почти три года не пью совсем, поскольку могу либо пить, либо работать: совмещать два эти прекрасных занятия не могу — не умею.

— Но, видимо, через какое-то время вы еще вернетесь к людям?

— Думаю, да. Но подготовка будет серьезной: восстановлю организм полностью для того, чтобы потом полностью его разрушить.

— Сколько ждать?

— Года два-три — хочу закончить кое-какие дела...

— А как к этой новости отнесется жена?

— Конечно, категорически против. Я вообще всегда доставлял ей массу хлопот со всеми этими гостями, загулами...

— Странно... Я что-то никак не могу понять, как же так случилось, что, несмотря на образ жизни и такую страшную популярность, жена у вас была только одна?

— Может, именно потому, что популярность была действительно стррррр-ашная. Савка Крамаров, наверное, уехал только из-за того, что здесь он не мог ни с кем познакомиться. Он был страшно одинок, и если какая-то девушка знакомилась с ним, об этом узнавало полстраны.

— И по тем же самым причинам...

— Нет. У меня по самым нормаль-

спектакля до восьми утра меня лучше было не трогать.

— То есть?

— Пока разгримировались — одну приняли, пока спустились в буфет — другую, пошли в ресторан — третью, потом домой к кому-нибудь. Там разговоры о спектакле — творческие разговоры, хорошие, не просто черная пьянка, а, скорее, нормальное, благодарное гусарство.

— Неужели после каждого спектакля?

— Каждый Божий день. Я вообще не умею пить по пятьдесят — сто грамм — мне это не интересно. И потому всегда пил до тех пор, пока мог это делать. А останавливался, лишь когда больше уже не влезало.

— И сколько же обычно удавалось выпить зараз?

— Ну, ведро целиком не выпивал, но отхлебывал много... В то время три-четыре бутылки водки для меня были нормой.

— Это в день-то? Круто, ничего не скажешь!

— Это круто?! Мой рекорд — четырнадцать бутылок.

— Охренеть!

— А без выпивки жить вообще нет смысла. Или надо поставить себе цель: сейчас подержаться, а начать выпивать точно с началом нового тысячелетия. И тогда, воспитав детей, можно будет ринуться в последний и решительный бой... Я не представляю себе жизнь без застолий, не представ-ля-ю!

— Видать, сурово вам приходится в последнее время.

— Это не так страшно — все есть, с утра до вечера продаются и водка, и пиво, и женщины. Вот раньше было интереснее: ничего не было, надо было достать...

— Была романтика.

— Конечно! Достал — и такое счастье! С утра пиво ищешь час, два, три, вдруг видишь — ларек, и тебя пропускают без очереди, потому что ты весь дрожишь...

— Это вы про себя?

— А про кого же еще — и про себя тоже.

— То есть в свое время описанную картину можно было увидеть на самом деле?

— Естественно, я не мог внешне быть похожим на такого человека — я держался. Но внутри весь дрожал. Зато как приятно было выпить этого пива!.. Когда на блюдечке — не то.

— Это относится только к выпивке или и на другие вещи в вашей жизни распространяется?

— Да, в общем. Я знаю, что многое могу себе позволить, а когда в мыслях я уже купил себе ту машину, которую хотел, на кой черт она мне нужна?! Если бы мне было недоступно что-либо, тогда бы я действительно мог этого добиваться, а так... Скупой рыцарь был таков же, вероятно: сидел на своих ящиках и знал, что владеет миром... Одного сознания того, что ты можешь, уже вполне достаточно.

— Здорово вы изменились к сорока шести годам, ничего не скажете...

— Просто это мои принципы: я рассчитываю только на себя — ни на пенсию, ни на союзы... Буду больной, куплю себе лекарств, найму служанку, которая будет сидеть рядом с кроватью — на это мне точно хватит.

— Но говорят, что служанка есть уже сейчас.

— Нет. Супруге иногда помогает женщина, живущая напротив.

— Если мы говорим о помощи, не могу не спросить: вам когда-нибудь помогало то, что вы — Михаил Сергеевич?

— Это Горбачеву помогало, а не мне: вы не забывайте, что его уже нет, а я есть.

— Как это — нет?

— Да ладно вам — кто же может сравнивать такие вещи? Кто-то, а я себе цену знаю...

— Однако ни одной новой российской награды, в отличие от массы коллег, у вас пока нет.

— У меня есть имя, и оно гораздо выше, чем любая медаль. Это имя дал мне отец, который был во много раз лучшим артистом, чем я. Но я продолжаю его дело, и пока — с честью. Не читал я "Малую землю" по телевидению, но играл Павку Корчагина — не упрекнешь меня, что когда-то прогнулся. Мне Бог дал отрицательные внешние черты, к сожалению — не русского человека, хотя я русский. И поэтому я играл испанцев, грузин, французов, итальянцев, кого угодно, а они все были беспартийные... Моя мечта была сыграть русского солдата, но с такой рожей солдата не сыграешь...

Беседовал

Кирилл ЛИТМАНОВ.

Собеседник, — 1996 № 5, — с. 10

МИХАИЛ БОЯРСКИЙ:

«Я бабник и матерщинник»

Не знаю, где можно найти в России человека, который ни разу не смотрел фильмов "Собака на сене" или "Д'Артаньян и три мушкетера". Другое дело, что есть люди, которым эти ленты не нравятся, но даже они вряд ли возьмут грех на душу, сказав: понятия не имею, кто такой этот Боярский.

— Увидеть вас без шляпы и очков практически невозможно. Многие уже стали подумывать, что вы и моетесь в них, и спите. То же, кстати, говорят и о черной одежде.

— Когда мы придумали этот костюм для передачи "Домино", вначале чего-то не хватало. И вдруг кто-то предложил мне надеть шляпу. Я попробовал и увидел, что в ней практически не нужен грим. Но самое главное, что она — как бы шапка-невидимка: если я выхожу на улицу вот так одетый (Боярский показывает на свои черные пиджак, брюки, шляпу и очки), сразу говорят: о, идет Боярский. Но стоит мне снять это (указывает только на головной убор), не узнает ни один: нет, Боярский был бы в шляпе. Это так удобно, вы не представляете!

— Любопытно, что ж вам приходится надевать на себя ради маскировки?

— Кепку, куртку какую-нибудь, и после этого все — я исчезаю. Это просто фантастика: я становлюсь свободным от всех взглядов и делаю то, что хочу.

— Так это что же получается — у вас и другого цвета одежда есть?

— Конечно. Но все эти белые или какие-то другие костюмы висят невостребованно в шкафу давным-давно: я к новой одежде привыкнуть никак не могу. И потом я принадле-

жу к тем людям, которые останавливаются на чем-то одном. Вообще характер мерзкий в этом смысле: я тиран и педант страшный.

— А ваш режиссер уверяет, что более всего вы капризны.

— А я вообще не очень приятный по жизни человек, судя по всему. Но капризы мои — не женские: я просто бываю более требовательным, мелочно-придирчивым.

— Странно, как все это переносит супруга.

— Да мы сами удивляемся. Особых положительных черт у меня нет, но, видимо, не расстались до сих пор потому, что мы — две яркие противоположности: она такая тихая, ласковая, любит компанию, улыбочивый и уютный человек, я же наоборот — такой колочий, угловатый...

— Никогда не поверю тому, что вы и компания не любите.

— Люблю, даже очень. Но свою, проверенную компаньку, а не все эти банкеты и презентации... И потом это в школе у тебя все друзья, а чем больше живешь, тем их у тебя меньше...

— А многие склонны объяснять то же самое вашими близкими отношениями с петербургским мэром Собчаком — ведь вы с ним заходите домой через одну парадную.

— Я и от Ельцина недалеко живу —

могу работать по 24 часа в сутки.

— Вероятно, это из стремления к обогащению?

— Да как сказать... Я даже не могу говорить о том, бедный я или богатый. Моя семья не голодает, имеет все необходимое, а может, и более, чем необходимо, но все это я сделал своими руками и плечами, и это труд довольно серьезный и долгий. Сейчас, конечно, у нас есть и квартира, и дача, и возможность съездить отдохнуть на две-три недели в любую страну...

— Вы, по-моему, забыли прибавить к уже перечисленному великолепный "Роллс-Ройс".

— Нет, я как-то сказал, что у меня эта машина, но то была шутка — я всегда считал, что юмор у меня иногда присутствует.

— Тут трудно понять, шутка это или нет: вы и "Роллс-Ройс" — вещи не такие уж несовместимые.

— На самом деле у меня всегда были "Жигули", и они до сих пор есть. А совсем недавно в японском представительстве, которое у меня за стеной, я приобрел подержанный "Мерседес" — года не то 85-го, не то 86-го. Так я об этом просто мечтал — одной машины нам с женой никак не хватало. Я, впрочем, с удовольствием ездил бы и на метро, но выдержать такое количество общения не могу — устаю.

— Сейчас, видимо, отдыхать в этом смысле удается чаще: той популярностью, какая была после всех этих костюмированных фильмов, когда вы были едва ли не единственным донжуаном, да к тому же и поющим, уже, я понимаю, нет.

— А кто теперь, по-вашему, мог бы подходить под описанный образ?

— Я что-то не припомню такого...

— Вот и я тоже. Поэтому до сих пор мне приходится давать автогра-

вам — человеческим: я верю в то, что браки вершатся на небесах, и потому никогда не ходил специально среди толпы, отыскивая кого-то — мы познакомились на репетиции...

— А как же это совместить с тем, что вы — матерщинник и бабник?

— Совсем не обязательно показывать другим, что ты делаешь, предположим, в бане.

— И что же вы там делаете?

— Я баню просто обожаю — это мужская компания, куда можно взять хорошей выпивки...

— Постойте. Какой это выпивки, если вы теперь "в завязке"?

— Дайте помечтать! Это же было и будет еще — я же к этому готовлюсь.

— Мучаясь и страдая?

— Конечно, я переживаю. И страдаю. Мне очень многого не хватает — вообще мир вижу в черно-белом изобразении. Именно поэтому сейчас нагружился работой: раньше была отдушина, можно было собраться с друзьями, спустить все дерьмо, которое накопилось... Трезвым жить очень сложно, и я теперь стал понимать женщин: у мужика, когда он сильно выпьет, такое ощущение, что все куда-то ушло, и с утра начинается новая страница — с утра ты король...

— Король?! Это с квадратной-то головой?!

— У каждого разная голова. Но если говорить серьезно, раньше мне действительно помогали только две вещи — книги и водка. А сейчас у меня вообще нет возможности отвлечься, расслабиться.

— Хорошо, что хотя бы есть чего вспомнить.

Боярский мечтательно закрывает глаза и шурит от удовольствия.

— Раньше ночь была моя, после